

БЕАТРИС

Когда мистер Джи возил их на лодке на материк, Беатрис любила сидеть на носу. Она смотрела, как постепенно проявляется город, как вырастают дома, как рельефно вырисовывается на фоне ярко-голубого неба белоснежная колокольня. Дело было в Мэне, где семья проводила каждое лето, и все происходило во время войны, хотя с трудом припоминается, когда именно. Миссис Джи надевала розовый или желтый сарафан, шею ее туго охватывал жемчуг, и она суетливо покрикивала, что сейчас все промокнут, когда Уильям и Джеральд прямо в лодке начинали брызгаться. Мистер Джи закатывал глаза и рассеянно выговаривал мальчишкам, и очки его мутнели от морской соли, а загорелые руки размеренно двигали весла. Когда до берега оставалось недалеко, он передавал одно весло Беатрис, и дальше они гребли вместе.

Раз в году они обедали в маленьком ресторане в городе, в дальнем конце пристани. Садись за один и тот же столик в углу, где все пять стульев были обращены к воде. Мистер Джи говорил, что так

они могут видеть, как меняется закатное небо над островом, их островом, и вот постепенно на острых верхушках елей появлялись нарядные розовые и оранжевые полоски, а потом вершины деревьев просто растворялись на фоне темнеющего неба. И ни разу за все годы, что Беатрис там провела, погода в такой вечер не подводила. Поразительно, каким разным всегда казался остров издалека, сколько бы она ни разглядывала его с берега. Он был прекрасен, этот подернутый легкой дымкой зеленый лоскуток, застывший между океаном и небом. И такой маленький, что легко мог поместиться у нее на ладони. А когда они возвращались на остров, маленькой была уже она, для нее это был целый мир. Как будто ничего больше на свете не существовало.

Они заказывали клэм-чаудер, печеную кукурузу и лобстера. Запеченную картошку подавали прямо в фольге, и из узкого разреза вырывался столбик пара. В ее самое первое тамошнее лето мальчишки сразу принялись разламывать твердую горячую оболочку лобстера, едва перед ними поставили тарелки. Джеральд был так взбудоражен, что даже вскочил с места, а Уильям, первым добывший кусочек мяса, запрокинул голову, чтобы не уронить капли масла. Беатрис медленно повязала салфетку, отхлебнула воды. Мистер Джи кивнул миссис Джи, которая сидела рядом, и та похлопала Беатрис по коленке, обращая внимание, перед тем как приступить к своему лобстеру, и разделявала его неспешно, с паузами, чтобы Беатрис видела, что и как надо делать, и могла повторить.

Но все это в прошлом. Годы спустя, сидя в одиночестве в прибрежном ресторане, Беатрис заказыва-

ет лобстера, и официантка зажигает свечу на столе. Когда лобстера подают, она повязывает салфетку, глядя на свое отражение в темном окне. В августе ей исполнилось тридцать четыре. Прошло двадцать лет. И порой ей трудно совместить девочку, которой она была тогда, с той взрослой женщиной, которой стала сейчас. Они словно два разных человека. Уж очень долго она пыталась забыть ту девочку. Беатрис нюхает обшлаг пиджака — океан прочно поселился в ее одежде. Она слышит, как волны бьют в берег. Это место — город на Ферг-оф-Форт*, прямо за Эдинбургом, — плоское, открытое ветрам. В заливе рассыпаны островки и кое-где торчат из воды скалы. Дикость пейзажа напоминает о Мэне. Если закрыть глаза, кажется, будто оказалась там.

В начале сентября она вернулась из поездки в Америку и окунулась в работу. Новый учебный год начался бурно, кому-то вечно что-то от нее было нужно, Беатрис почти не бывала у себя дома и с таким же успехом могла бы ночевать в своем кабинете. В октябре, когда удалось наконец немного притормозить, она почувствовала себя опустошенной. Неприкаянной. Встретившись в Америке с Грегори, стоя рядом с ними на кладбище, она будто повернула время вспять — словно вернулись те пять лет, что она прожила там, вернулась семья, которую она назвала своей на то кратчайшее из времен. Горе утраты этой семьи. Горе, которое Беатрис изо всех сил старалась скрыть. Она вновь оказалась там, в знакомом доме, в той самой кухне, где пахнет

* Залив Северного моря у восточных берегов Шотландии. — Здесь и далее примеч. перев.

лимоном, корицей и маслом, чувствуя, как рука миссис Джи ласково обнимает ее за шею, слыша ее шепот в ухе. И вновь она не хотела уезжать, и вновь уехала. И вновь потеряла их всех.

Это мама предложила ей съездить на каникулы, отвлечься от повседневной рутины, попробовать что-нибудь новенькое. А вдруг поможет. Мама посоветовала и этот городишко, потому что в детстве часто бывала здесь и ей нравилось. Говорила что-то про пляжи, птичек, про удобный поезд из Лондона. Городок оказался милым, хотя, возможно, не тем викторианским оазисом, который помнила мама. Интересно, замечала ли она когда-нибудь сходство с Мэном? Впрочем, она там никогда не бывала. Беатрис и самой бы это не пришло в голову.

Она ест лобстера, но оказывается, что большая часть удовольствия заключается в том, чтобы делать это в компании. И Беатрис чувствует себя глупо, сражаясь с лобстером в одиночку, в старинном пустом обеденном зале. И от этого на душе становится еще хуже. Она отодвигает тарелку и заказывает кофе. Яркий луч маяка с равными промежутками скользит по черной поверхности моря. Иногда они с Джеральдом и Уильямом ночевали в палатках в лесу, недалеко от дома, но все равно ощущали себя абсолютно независимыми, как будто их выбросило на этот остров, единственных оставшихся в живых. Темнота казалась почти осязаемой. С фонариками в руках они спускались к воде и сидели на камнях, направляя лучи света в разные стороны, а потом выключали фонарики, вбирая в себя темноту ночи и огромный мир звезд, сияющих с высоты. И, сидя между ними обоими, чувствуя их рядом, она была самой счастливой на свете.

Ужин в городе неизменно завершался шоколадным тортом, приготовленным миссис Джи и привезенным заранее, с шариками мятного мороженого. Зажигались три свечки — одна для Уильяма, одна для Джеральда и одна для Беатрис. Их имена были витиевато выписаны на ванильной глазури. *Мои августовские дети*, говорила миссис Джи. *Вот и еще один год прошел*. И весь ресторан пел «С днем рождения», когда торт с горящими свечками выносили из кухни. Они втроем вставали, наклонялись над тортом в центре стола, миссис Джи придерживала волосы Беатрис подальше от пламени. В ресторане к тому моменту уже становилось темно, солнце садилось, и их лица освещали только огоньки свечей. Джеральд, рыжий и веснушчатый, с заразной улыбкой. Уильям, с выгоревшими на солнце кудрями, прячущий усмешку. Что они видели, глядя на нее? Она не знает, но, наверное, на лице ее отражалась радость, которую она чувствовала. Думая о них троих вместе, Беатрис вспоминает именно этот момент, миг перед тем, как все они наберут воздуха, загадают желание и посмотрят в глаза друг другу. Перед тем, как свечи будут задуты.

В то последнее лето она загадала остаться. Остаться со всеми ними навсегда. Беатрис наклоняется, дует на свечку на столе и закрывает глаза.

Часть 1

1940–1945

РЕДЖИНАЛЬД

В тот вечер Реджинальд рассказывает приятелям в пабе, как он горд. Всем и каждому он пересказывает историю отъезда Беатрис, вновь и вновь. Ему задают вопросы, хотят знать подробности. Те, чьи дети уехали раньше, уже знают эту историю или свою версию этой истории. Каким жарким и влажным было утро. Как они стояли в бальном зале отеля «Гросвенор», как он опустился на одно колено, когда пришло время уходить. Как Беатрис кивнула его последним словам, склонила к нему лицо, грудь ее приподнялась. Какой решительной она была и не расплакалась, хотя он видел слезы в ее глазах.

Но уже на следующий день Редж не мог в точности вспомнить, что сказал ей тогда, стоя на одном колене. В глубине души он страшно переживал, что забыл произнести самое главное. Но в тот вечер в пабе он рассказывает всем, какой она была молодой. Моя храбрая одиннадцатилетняя девочка. Он придумывает слова, которые они сказали друг другу. И не уточняет, что они с Милли отвернулись от Беатрис и двинулись сквозь толпу, пока еще могли

владеть собой и прежде, чем он действительно готов был это сделать. Редж не представляет, что вообще когда-нибудь готов будет расстаться с ней.

А во сне он вновь и вновь входит в океанские воды, полностью одетый, намокшая одежда тяжелеет. Он раздвигает волны, погружаясь все глубже, и вдруг оказывается в бальном зале — уходящий оттуда, когда другие только входят, он задевает их плечами, стараясь не смотреть в лица появляющихся родителей, зная, что в его глазах отражаются их взгляды, они в ужасе от того, что оказались здесь, что приняли такое решение, отправили своих детей далеко-далеко. Одних-одинешенек, далеко за море. Только на улице у отеля, где воздух плотен и душен, где нависают серые облака, Милли начинает рыдать по-настоящему, умоляя его вернуться и забрать их девочку. Он хватает ее за руку и тащит прочь. Во сне он протягивает руки, тянется вдаль в надежде подхватить корабль, на котором она плывет, и развернуть его обратно. Надеется, что сможет изменить его курс. Он тянет руки еще дальше, пытаюсь коснуться земли, на которой она будет теперь жить.

Но история, которую Редж рассказывает друзьям, это только половина правды. Беатрис плакала, прижимаясь к нему, крепко обнимала. Она обвиняла Милли в том, что ее отправляют куда-то, отказывалась прощаться, злилась, что ей оставили всего двадцать четыре часа между тем, как сообщили об отъезде, и самим моментом прощания. Вообще-то на ее отъезде настаивал именно Реджинальд, понимавший, что бомбы падают все ближе и ближе, что нет иного способа спастись — ни для нее, ни для любого из них. Его старший брат воевал в прошлую вой-

ну, и он знал, что грядет. Война оставила длинную мрачную тень на его детстве. Так Редж узнал, что такое страх. Они с Милли оказались перед невозможным выбором. И он подумал, что лучше девочке уехать в Америку, где меньше шансов, что до нее дотянутся пальцы войны. Но он никогда не говорил Беатрис, что это он вынудил Милли согласиться. Позволил дочери думать, что выбор совершила Милли.

Милли

Милли никак не может совладать с гневом. Беатрис злилась на нее за то, что заставляет уезжать, а сама Милли — на Реджа, за то, что он ничуть не колебался, даже когда она умоляла. *Позволь я поеду с ней*, просила она. А потом ночью, когда они лежали без сна, уставившись в темный потолок: *Давай она останется. У нас есть бомбоубежище и метро. Мы можем уехать к моим родителям в деревню. Я спасу ее*, шептала она вновь и вновь. *Я спасу ее*. Но Редж уже принял решение.

Она никогда не считала себя злым человеком. Эмоциональным — да. Упрямым — безусловно. Но сейчас ее захлестывают ярость и скорбь. Она никогда не сможет простить Реджа. И знает, что никогда не простит себя. Раз за разом Милли мысленно возвращается в бальный зал, в те последние моменты, к теплу дочкиной щеки.

Она приколотла на грудь Беатрис карточку, которую ей вручил чиновник. День выдался жарким, но руки у Милли были ледяными, и она все терла и терла их, перед тем как залезть за ворот платья Беатрис, чтобы застегнуть булавку. На карточке, помимо име-

ни, был еще длинный номер, и Милли его запомнила, решив, что ни за что в жизни не забудет. Она думала, что это может быть единственным способом отыскать свою дочь. А по пути домой начала сходить с ума от ужаса, что не уверена, какая цифра последняя — три или шесть.

Вечером накануне в их маленькой кухне Милли вымыла и постригла волосы Беатрис, подстелив под ноги полотенце. Беатрис стояла в одном белье. Милли расчесывала влажные волосы перед стрижкой, любуясь густыми прядями, доходившими девочке почти до пояса. Именно тогда, повернув Беатрис к себе лицом, чтобы расчесать челку, она увидела, что у девочки начала расти грудь, и поняла, что когда увидит ее в следующий раз, дочь станет совсем другой. Она больше не будет ребенком. И ее опять накрыло гневом, но тогда она с ним справилась, не раздумывая укоротив волосы дочери; пряди падали на пол, ножницы щелкали, белое полотенце становилось коричневым, Беатрис плакала. Милли подстригла густую темную челку строгой линией по середине лба. Именно так она стригла ее в детстве, каждые три недели.

А сейчас Милли больше не может спать. Она лежит в кроватке Беатрис, свернувшись клубочком. Пытается представить, где сейчас ее девочка, посреди Атлантики. Голодна ли? Ей одиноко? И, должно быть, очень страшно, ведь вокруг корабля бездонный океан. Огромные волны. Бескрайнее море. Милли нюхает темный локон, спрятанный в пергаментном конвертике в ее записной книжке.

БЕАТРИС

БЕАТРИС ТЕРПЕТЬ НЕ МОЖЕТ СВОЮ ПРИЧЕСКУ. Она с ней выглядит как ребенок. Рука тянется провести по волосам, а касается голой шеи. Девочки в каюте передают друг другу зеркальце, которое одна из них захватила с собой в чемодане. Беатрис убирает челку со лба, смачивая ее водой, и вслух ругает мать, к восторгу малышни.

Дни полны хлопот. Девочки одеваются, помогая друг другу застегнуть пробковые спасательные жилеты, и идут завтракать, а там им дают даже шоколадное мороженое. Они стайками бегают с одного конца корабля на другой, Беатрис всегда крепко цепляется за поручни и старается держаться поближе к середине. Корабль все время лавирует между серебристых айсбергов, сверкающих на солнце. На судне есть и мальчишки, но они более буйные, чем девочки, и Беатрис сторонится их. К чаю подают печенье размером с ладонь. Тошнит уже меньше. В первые дни их постоянно рвало — в умывальники, в урны, в банки из-под кофе. По ночам, когда не спится, а малыши сопят на нижних койках, Беатрис